

<ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ>

<В ПЕРЕСКАЗЕ В. ЕВГЕНЬЕВА>

Сошлась я с Николаем Алексеевичем 19-ти лет; молода, неразвита была в то время, многого не понимала, особенно того, что касалось литературной деятельности мужа. Николай Алексеевич любил меня очень, баловал; как куколку, держал. Плятья, театры, совместная охота, всяческие удовольствия - вот в чем жизнь моя состояла. Хорошо жилось тогда, потому что молода, ветрена была, а теперь вот глубоко жалею, что не развивал меня Николай Алексеевич. Единственный упрек, который могу к нему предъявить. Ну, да болезнь мужа за него постаралась. Столько пришлось перенести тогда, что в пять-шесть месяцев на несколько лет серьезней и старше стала. Боже! как он страдал, какие ни с чем не сравненные муки испытывал. Сиделка была при нем, студент-медик неотлучно дежурил¹, да не умели они его перевязывать, не причиняя боли. "Уберите от меня этих палачей!" - не своим голосом кричал муж, едва прикасались они к нему. Все самой приходилось делать. Кишка у него последнее время выпадала; нужно было в прежнее положение ее возвращать. Вправляю я ее, а сама, чтобы поощрить его среди нечеловеческих страданий, веселые песенки напеваю. Душа от жалости разрывается, а сдерживаю себя, пою да пою... Болезнь Николая Алексеевича открыла мне, какие страдания на свете бывают, а смерть его, что он за человек был, показала. Только в день похорон его поняла я, что сделал он для общества, для народа; видя общее сочувствие и внимание, начала задумываться над вопросом: чем он такую любовь заслужил. Припоминаю один случай, - как раз накануне его погребения происшедший. В три часа ночи слышу, кто-то звонится. Отворяю: господин какой-то. "Можно повидать Николая Алексеевича?" Я пустила. Он вошел в залу, где стояло тело, упал на пол и так рыдал, так рыдал...²

... В каком состоянии была в то время, никакими словами не расскажешь. Ведь целых два года спокойного сна почти не имела. После смерти мужа как в тумане, как в полусне каком-то ходила. Пухнуть стала. Доктора меня осматривали, Склифосовский, Белоголовый; думали, что это водянка. А я просто утомлена свыше сил человеческих была.

Да и потом немало тяжелого пришлось перенести. Вот совсем недавно дела такие случились, что если б не помощь Николая Михайловича (Архангельского) - истинно добрый человек! - Христовым именем пришлось бы питаться³.

Оставил мне муж кой-какие деньги. Жить можно было. Да все раздала. Просят, то один, то другой - как откажешь? И пришло такое время, что хоть умирай с голоду. Моложе была, работала. А теперь вот сил не стало работать - на милостыню живу... а на милостыню так тяжело жить.

Как улитка в свою скорлупу уединилась и живу тихонько... Никого почти не вижу... Бог с ними, с людьми-то. Много мне от них вытерпеть пришлось. Ах, жестокие, жестокие есть люди, Сколько времени прошло, а рана в душе не заживает, нет, не заживает. Только здесь утешение и нахожу...

И Зинаида Николаевна показала мне объемистую Библию в кожаном переплете с застежками.

- А других книг не читаете? - спросил я.

- Нет, и другая дорогая книга у меня есть.

И Зинаида Николаевна положила на стол том сочинений Некрасова с трогательной надписью: "Милому и единственному моему другу Зине. 12 февр. 1874 г.". В устах сдержанного и замкнутого Некрасова эти слова означали очень многое.

Чтобы помочь Зинаиде Николаевне в ее воспоминаниях (во все время разговора она страшно волновалась), я решился предложить ей вопрос о том, в какой мере доступны были ее мужу религиозные настроения, которыми живет теперь она.

- Не знаю, был ли он религиозным, - отвечала она, - но поступал с ближними, как милосердный самарянин (эти слова были произнесены с особым выражением и значительностью). Да, что бы о нем ни говорили, как бы на него ни клеветали, это на редкость добрый и сердечный человек был. Приедем, бывало, в деревню, на охоту - сейчас же со всех сторон начнут сходить к крестьяне: кто горем поделиться, кто радостью, кто совета, кто помощи попросить. Всех-то Николай Алексеевич выслушает, всех обласкает и помогал нуждающимся щедро. И любили же его крестьяне!.. И в городе доброту свою находил случай проявлять - о сотрудниках своих заботился, деньги по первой просьбе им выдавал. Помню я его споры постоянные с Салтыковым и Елисеевым. Они тоже добрые люди были, а все же иной раз возмущались тем, что муж мой чересчур много выдач разрешает.

"Нет, Николай Алексеевич, - говорили они мужу, - так нельзя нерасчетливо деньги раздавать!"

"Да как же не выдать, - возражал он, - когда просят; ведь у каждого свои нужды, потребности; волей-неволей надо в них входить".

И много раз так бывало, это я хорошо помню. Что и говорить - было за что любить Николая Алексеевича, а вот не все любили, далеко не все, много у него врагов было. А больше всего огорчало мужа дурное отношение к нему Тургенева. Ведь они прежде большими друзьями были. Николай Алексеевич однажды рассказал мне, как окончательный разрыв между ними произошел. "Прислал мне Тургенев для просмотра роман "Отцы и дети" с просьбой высказать о нем свое мнение. Я прочел и ответил: "Вещь хорошая, но *рановременно печатать*"⁴ (последние слова Зинаида Николаевна произнесла с ударением; очевидно, они твердо врезались ей в память). Тургенев ответил мне запиской: "Не забудь ты меня, а я тебя не забуду". С тех пор мы больше не виделись..."⁵ Незадолго до смерти Николая Алексеевича, - продолжала Зинаида Николаевна, - суждено им было увидеться. Узнал Тургенев от общих знакомых, что муж неизлечимо болен, и пожелал к нему приехать, чтобы помириться. Но нельзя было допустить его к Николаю Алексеевичу, не подготовив - слишком он слаб и немощен был. Я сама взялась за это дело Тургенев уже сидел у нас в передней, а я и говорю Николаю Алексеевичу: "Тургенев желал бы тебя повидать". - "Пусть приедет, полюбуется, каков я стал", - с горького усмешкою отвечал муж. Тут надела я на него халатик и перевела из спальни в столовую - сам уж он не мог ходить. Сел он у стола, высасывает сок из бифштекса - ничего твердого ему тогда не давали. Смотреть на него страшно - такой он бледный, худой и изможденный. Я выглянула в окно, сделав вид, будто увидела Тургенева, и говорю: "А вот и Тургенев приехал". Через несколько времени Тургенев с цилиндром в руках, бодрый, высокий, представительный, появился в дверях столовой, которая прилегала у нас к передней. Взглянул на Николая Алексеевича и застыл, пораженный его видом. А у мужа по лицу страдальческая судорога прошла: видимо, невольно ему было бороться с приступом невыразимого душевного волнения... Поднял тонкую исхудалую руку, сделал ею прощальный жест в сторону Тургенева, которым как бы хотел сказать, что не в силах с ним говорить... Тургенев, лицо которого было также искажено от волнения, молча благословил мужа и исчез в дверях. Ни слова не было сказано во время этого свидания, а сколько перечувствовали оба...

Примечания

Некрасов сблизился с Феклой Анисимовной Викторовой (1851--1915), которую он и все его знакомые называли Зинаидой Николаевной, в начале 1870 года. Ей он посвятил поэму "Дедушка" (1870). К ней обращено не сколько предсмертных стихотворений поэта: "Двести уж дней...", "Ты еще на жизнь имеешь право...", "Пододвинь перо, бумагу, книги!".

Воспоминания З. Н. Некрасовой записаны В. Е. Евгеньевым-Максимовым летом 1914 года в Саратове, где она тогда жила.

Печатается по тексту "Журнала для всех", 1915, No 2, стр. 336--338.

¹ Стр. 454. Имеется в виду студент Медико-хирургической академии Н. Демьянков.

² Стр. 454. Похороны Некрасова состоялись 30 декабря 1877 г. О ком идет речь - неизвестно.

³ Стр. 454. Н. М. Архангельский, редактор "Саратовского листка", помог З. Н. Некрасовой добиться пенсии от Литературного фонда.

⁴ Стр. 456. Это не соответствует действительности. Роман "Отцы и дети" был написан уже после разрыва Тургенева с Некрасовым.

⁵ Стр. 456. Записка или письмо с таким текстом неизвестны. О взаимоотношениях Некрасова с Тургеневым см. стр. 457--460.